

На правах рукописи

БАЛАБАНОВА Евгения Сергеевна

**Социально-экономическая зависимость как феномен
сознания и стратегий поведения населения
современной России**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора социологических наук

Специальность 22.00.04 – социальная структура, социальные
институты и процессы

Нижний Новгород

2006 г.

Работа выполнена на кафедре общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Научный консультант:

Доктор исторических наук, профессор **Саралиева З.Х.**

Официальные оппоненты:

доктор социологических наук, доцент **Аргунова В.Н.**

доктор философских наук, профессор **Голенкова З.Т.**

доктор экономических наук, профессор **Малкина М.Ю.**

Ведущая организация:

Государственный университет – Высшая школа экономики

Защита диссертации состоится 30 ноября 2006 г. в 15.00 на заседании Диссертационного совета Д 212.166.14 по присуждению ученой степени доктора социологических наук при Нижегородском государственном университете им Н.И. Лобачевского по адресу: 603000, г. Н. Новгород, Университетский пер., д. 7, ауд. 203.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского пр. Гагарина, 23, корп.1.

Автореферат разослан < _____ > _____ 2006 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

канд. соц. наук, доц.

Кутявина Е.Е.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Развитие обществ западного типа последних двух столетий шло в направлении индивидуализации социальной жизни – снижения значимости аскриптивных социальных статусов и традиционных общностей и повышения роли индивидуально-личностных факторов социальной успешности. Это означает расширение зоны свободы индивидов как наличия все большего числа альтернатив и, соответственно, индивидуальной ответственности и рисков.

В последние 15 лет в глобальный процесс индивидуализации социальной жизни включилось и российское общество. До того, будучи формально «индустриальным», советское общество тяготело, скорее, к традиционным формам организации социальной жизни, основной характеристикой которых было суженное пространство индивидуальных свобод при минимальной индивидуальной ответственности. Ситуация стала в корне меняться с начала 1990-х годов, когда рыночные преобразования обусловили либерализацию механизмов социальной мобильности.

Расширение пространства индивидуальных свобод способствовало индивидуализации социально-экономических рисков. Траектории социально-экономической мобильности граждан убедительно показывают, что в современной России, сравнительно уменьшается роль статусных характеристик субъектов социальной деятельности и, напротив, резко возрастает значимость индивидуально-личностных факторов социальной мобильности. К ним относятся типы ментальности, индивидуалистически-либеральные либо патерналистско-эгалитарные установки, готовности воспринять соответствующие современному обществу индивидуалистические ценности и модели поведения. Проблемы социально-экономической адаптации трудоспособных граждан свидетельствуют о том, что значительная часть российского населения оказалась неготовой к «испытанию свободой».

Одним из важнейших компонентов социально-психологической неготовности к указанным выше переменам оказались массовые зависимые установки и модели поведения. Под «зависимыми» установками и поведением мы понимаем ориентацию социальных акторов на отношения ***социально-экономической зависимости, возникающие по поводу обмена экономическими ресурсами и характеризующиеся подчинением низкоресурсного актора высокоресурсно-***

му. Социально-экономическая зависимость как установка предполагает стремление делегировать ответственность за свое жизнеобеспечение и готовность отказаться от ряда своих прав и свобод в обмен на материальную обеспеченность.

На индивидуальном уровне зависимые установки и поведение препятствуют успешной социально-экономической адаптации¹ людей, подавляя их собственную активность, блокируя их индивидуальные ресурсы, ориентируя их на поиск внешней поддержки. Обретая такую поддержку, зависимый подчиняет свои интересы высокоресурсному субъекту («провайдеру»); в случае же неспособности получить такую поддержку зависимый оказывается в зоне риска депривации и деградации.

На макросоциальном уровне зависимые установки и поведение способствуют социально-политической напряженности в обществе, обеспечивая поддержку популистским партиям и движениям, главная цель которых – перераспределение существующих экономических ресурсов. Доминирование «перераспределительной» риторики в социально-экономической политике тесно увязано с убежденностью в том, что якобы все проблемы социально незащищенных групп решаются увеличением финансирования программ общественного вспомоществования. Между тем, западный опыт «войны с бедностью» наглядно показал тупиковость «пассивного» характера социальной поддержки. Этот опыт показывает, что увеличение размера пособий без культивирования независимых установок у реципиентов не уничтожает бедность, а воспроизводит ее. В социально-политической сфере «зависимые» установки избирателей обуславливают потенциальное принятие ими тоталитарного режима, который обеспечит населению равенство, стабильность и скромный достаток ценой нарушения гражданских прав и ограничения свобод.

Итак, проблема настоящего диссертационного исследования заключается в противоречии современных тенденций индивидуализации и либерализации социальной жизни сохраняющимся и даже воспроизводимым массовым установкам на социально-экономическую зависимость и «зависимым» моделям экономического поведения.

---

¹ В настоящей работе под «социальной адаптацией» мы понимаем процесс и результат активного приспособления индивида к условиям новой социальной среды. «Успешной» мы полагаем адаптацию, нацеленную на сохранение или повышение социального статуса индивида, накопление «социальных преимуществ». Экономическими показателями успешной адаптации является положительная динамика доходов и самооценка материального положения.

Степень научной разработанности проблемы

Анализ публикаций позволяет утверждать, что проблематика зависимости как объект специального изучения наиболее обстоятельно рассмотрена экономистами и психологами.

Феномен экономической зависимости на макроуровне – стран Третьего мира от индустриально развитых держав – с 1950-х гг. является предметом изучения макроэкономической «Теории зависимости» (Ф. Кардозо, Т. Дос Сантос, К. Фуртадо¹). Для целей нашего исследования важны их выводы о том, что экономическая зависимость неизбежно перетекает в сферу политического влияния, обуславливая глобальные асимметричные и неравноправные отношения между богатыми и бедными странами, закрепляя невыгодное положение последних.

Другой аспект зависимости рассматривается экономистами на уровне изучения организаций. Труды Дж. Томпсона, Дж. Пфеффера и Дж. Саланчика² легли в основу «Теории ресурсной зависимости». Исследования в рамках этого направления посвящены выработке успешной стратегии руководства, позволяющей сохранить автономность организации от поставщиков необходимых организации ресурсов либо минимизировать негативные последствия зависимости.

Проблема «зависимой личности» является серьезно разработанным направлением в социальной психологии (Р. Борнштейн, А. Мемми³). В его рамках объектом внимания являются эмоциональные, когнитивные, мотивационные, поведенческие аспекты зависимости личности от своего ближайшего окружения.

Что касается представленности интересующей нас проблематики в социологической науке, то ни одно из ее направлений не ставило социальные последствия экономической зависимости в центр своего рассмотрения. При этом к проблематике отношений социальной власти, за которыми стоит обмен экономическими ресурсами, обращаются многие исследователи. Для построения аналитической модели социально-экономической зависимости наиболее богатый материал представлен в следующих теоретических направлениях.

---

¹ Cardoso, F.H. Dependent Capitalist Development in Latin America // *New Left Review*. July 1972; Dos Santos, T., 'The Structure of Dependence' // *American Economic Review*, 1970, № 3; Furtado, C. "The Concept of External Dependence in the Study of Underdevelopment" // *Political Economy of Development and Underdevelopment* / Ed. C.K. Wilber. New York: Random House, 1973.

² Thompson, J.D., *Organizations in Action*. N.Y.: McGraw-Hill, 1967; Pfeffer J., Salancik G.R., *The External Control of Organizations*. N.Y.: Harper and Row, 1978.

³ Bornstein, R.F. *The dependent personality*. New York: Guilford Press, 1993; Memmi, A. *Dependence : a sketch for a portrait of the dependent*. Boston: Beacon Press, 1984.

Прежде всего, это работы, посвященные проблематике социальной власти (М. Вебер, А. Хиршман, Дж. Погги, Б. Барри¹). Их анализ позволяет построить модель зависимости, ключевой в которой является социальное взаимодействие в условиях монополии на жизненно важные ресурсы одного из субъектов.

Сущность отношений зависимости на межличностном уровне в условиях не-равноценного обмена деятельностью позволяют понять работы в рамках теории социального обмена (Дж. Хоманс, П. Блау, Р. Эмерсон²). Это направление оперирует понятиями баланса власти, асимметричности отношений и является одной из ключевых для концептуализации социально-экономической зависимости в рамках нашего исследования.

Близко к теории социального обмена в интересующем нас аспекте находится концепция «социального капитала» (П. Бурдьё, Дж. Коулман, В. Радаев³), в частности, благодаря идее конвертации ресурсов («капитала»). Этими авторами рассмотрен процесс взаимного превращения экономического капитала в прочие виды капитала – культурного, человеческого, социального, административного, политического, символического, физического.

Другие работы зарубежных и отечественных социологов обеспечивают эмпирический материал для анализа отношений социально-экономической зависимости как феномена сознания и поведения.

Целый пласт западной литературы посвящен проблеме «культуры бедности» и андекласса (*underclass*) – социальных слоев, живущих на общественном иждивении (О. Льюис, К. Аулетта, Л. Моррис⁴). Авторы этого направления трактуют зависимые установки и поведение и как результат «щедрых» социальных программ, и как факторы, удерживающие участников этих программ на «социальном дне». К

---

¹ Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования, 1994. № 5; Hirschman, A.O., *Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and Strategies*. Cambridge, Massachusetts and London: Harvard University Press, 1970; Poggi, G., *Forms of Power*. Cambridge: Polity Press, 2001; Barry, B., 'Power: an Economic Analysis', in B. Barry (ed.), *Power and Political Theory: Some European Perspectives*. L.: Wiley, 1976.

² Homans, G. *Social Behaviour: Its Elementary Forms*. N.Y.: Harcourt, Brace and World, 1961; Blau, P. *Exchange and Power in Social Life*. N.Y.: Wiley, 1964; Emerson, R.M., 'Power-dependence Relations', *American Sociological Review*, 1962, № 1.

³ Bourdieu, P., 'The Forms of Capital', in J.G. Richardson (ed.), *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. N.Y.: Greenwood Press, 1986; Бурдьё П. Практический смысл / Пер. с фр.; А.Т.Бикбов, К.Д.Вознесенская, С.Н.Зенкин, Н.А.Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н.А.Шматко. – СПб.: Алетейя, 2001; Coleman, J.S., 'Social Capital in the Creation of Human Capital', *American Journal of Sociology*, 1988, № 2; Радаев В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертации // *Общественные науки и современность*, 2003 № 2.

⁴ Lewis, O. *The Culture of Poverty / Poverty in America* / Ferman, L. and others (Eds.). University of Michigan Press, 1965; Auletta, K. *The Underclass*. N.Y.: Random House, 1982; Morris, L. *Dangerous Classes: The Underclass and Social Citizenship*. L. and N.Y.: Routledge, 1994.

этим идеям обращаются и ряд российских исследователей, отмечая тенденции формирования российского андекласса (Н. Тихонова, С. Ярошенко¹).

К проблеме экономической зависимости женщины в семье и от «Государства социального обеспечения» обращаются многие представители социальной теории феминизма (А. Соренсен, Р. Листер, Дж. Брайнс, Н. Фрейзер и Л. Гордон, К. Дулинг²). Эти работы содержат методiku измерения и результаты эмпирических исследований экономической зависимости женщин, однако лишь единицы из них включены в научный оборот в российском социологическом сообществе.

Насколько нам известно, среди опубликованных результатов исследований российских социологов нет специально посвященных социально-экономической зависимости. Проблема «социального иждивенчества» достаточно часто упоминалась в работах последних 15 лет, однако в них отсутствовал научный анализ этой категории. Тем не менее, публикации отечественных авторов обеспечивают нас материалом относительно феноменов, сопутствующих различным проявлениям социально-экономической зависимости в сознании и поведении.

Так, в работах отечественных исследователей представлен анализ категории власти и принуждения в системе экономических отношений (В. Радаев³), патернализма и патрон-клиентских отношений (Ю. Левада, Н. Тихонова, О. Шкаратан, Е. Ковалев⁴). Большое количество работ позволяют нам сделать анализ зависимости как составляющей российской экономической культуры (К. Касьянова, Б. Миронов, А. Вишневский⁵). Работы, посвященные исследованиям сдвигов массового сознания последних 15 лет, позволяют судить о том, насколько общественное мнение склонно признавать индивидуальную ответственность индивидов за свое эконо-

---

¹ Тихонова Н.Е. Российские безработные: штрихи к портрету // Мир России. Том VII. 1998, № 1-2; Ярошенко С.С. Северное село в режиме социального исключения // Социологические исследования, 2004. № 7.

² Sorensen, A., McLanahan, S., 'Married Women's Economic Dependency, 1940-1980', American Journal of Sociology, 1987. Vol. 93. No. 3; Lister, R. Citizenship : Feminist Perspectives. 2nd ed. N.Y.: New York University Press, 2003; Brines J. Economic Dependency, Gender, and the Division of Labor at Home // American Journal of Sociology. 1994. Vol. 100. No. 3; Fraser N., Gordon, L. A Genealogy of 'Dependency': Tracing a Keyword of the U.S. Welfare State / Fraser, N. (Ed.) Justice Interrupts : Critical Reflections on the 'Postsocialist' Condition. N.Y. and L.: Routledge, 1997; Dowling, C. The Cinderella Complex. Women's Hidden Fear of Independence. N.Y.: Summit Books, 1981.

³ Радаев В.В. Рынок как идеальная модель и форма хозяйства. К новой социологии рынков // Социологические исследования, 2002. № 9.

⁴ Ковалев Е. Взаимосвязи типа «патрон-клиент» в российской экономике // Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999; Левада Ю.А. Комплексы общественного мнения // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения, 1997. № 1(27); Тихонова Н.Е., Шкаратан О.И. Российская социальная политика: выбор без альтернатив? // Социологические исследования, 2001. № 3.

⁵ Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики, 1994. Миронов Б.Н. Отношение к труду в дореволюционной России // Социологические исследования, 2001. № 10; Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998.

мическое благосостояние (Н. Тихонова, М. Горшков, К. Муздыбаев¹); выявить специфику понимания россиянами свободы (Н. Лапин, Н. Тихонова, М. Шабанова, А. Готлиб²); проследить динамику ценностей населения в трудовой сфере (В. Магун³); оценить общую тенденцию развития российского общества в направлении его «либерализации» либо «традиционализации» (Т. Заславская, Ю. Левада, Н. Лапин⁴). Особенно важными нам представляются данные исследований о взаимосвязи установок и экономического поведения респондентов, их социальной успешности и адаптированности (З. Голенкова, Е. Игитханян, П. Козырева, Н. Тихонова, А. Готлиб⁵).

Материал для нашего анализа социально-экономической зависимости наемного работника от работодателя обеспечивают результаты исследований трудовых отношений на промышленных (Т. Заславская, М. Шабанова, А. Темницкий, К. Клеман, В. Кабалина⁶) и сельскохозяйственных (А. Никулин, Г. Родионова⁷) предприятиях.

Что касается анализа установок и отношений социально-экономической зависимости в частной сфере, то эта часть работы опирается преимущественно

---

¹ Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003. Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Богатство и бедность в представлениях россиян // Социологические исследования, 2004. № 3; Муздыбаев К. Переживание бедности как социальной неудачи: атрибуция ответственности, стратегии совладания и индикаторы депривации // Социологический журнал, 2001. № 1.

² Лапин Н.И. Власть, вседозволенность и свобода в ценностном сознании россиян // Куда идет Россия? Власть, общество, личность / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2000; Тихонова Н.Е. Личность, общность, власть в российской социокультурной модели // Общественные науки и современность, 2001; Шабанова М. Социология свободы: трансформирующееся общество. М.: МОНФ, 2000; Готлиб А.С. Смыслы и ценности свободы в контексте социальной адаптации: попытка эмпирического анализа // Вестник Самарского университета, 2002.

³ Магун В.С. Структура и динамика трудовых ценностей российского населения // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001.

⁴ Заславская Т.И. Социоструктурный аспект трансформации российского общества // Социологические исследования, 2001. № 8; Левада Ю. От мнений к пониманию. Социологические очерки. 1993-2000. М., 2000; Лапин Н.И. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций // Мир России, 2000. № 3.

⁵ Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Профессионалы – портрет на фоне реформ // Социологические исследования, 2005. № 2; Козырева П.М. Некоторые тенденции адаптационных процессов в сфере труда // Социологические исследования, 2005. № 9; Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003; Готлиб А.С. Социально-экономическая адаптация россиян: факторы успешности и неуспешности // Социологические исследования. 2001. № 7.

⁶ Заславская Т.И., Шабанова М.А. Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России // Социологические исследования, 2002. № 6; Темницкий А.Л. Ориентации рабочих на патерналистские и партнерские отношения с руководством // Социологические исследования, 2004. № 6; Кабалина В.И., Сидорина Т.Ю. Предприятие-город: трансформация социальной инфраструктуры в период реформ // Мир России. Том VII. 1999, № ½; Клеман К. Формальные и неформальные правила: каков оптимум? // Становление трудовых отношений в постсоветской России / Под ред. Дж. Де Барделебен, С. Климовой, В. Ядова. М.: Академический проект, 2004.

⁷ Никулин А.М. Кубанский колхоз – в холдинг или асъенду? // Социологические исследования, 2002. № 1; Родионова Г.А. Современное сельскохозяйственное предприятие и стратегии выживания сельских сообществ: симбиоз величин и функций // Неформальная экономика. Россия и мир. М., 1999.

на теоретические и эмпирические работы зарубежных исследователей. В отличие от западной социологии, в российской относительно редки исследования проблематики внутрисемейной власти или распределения экономических ресурсов; в качестве таковых отметим работы Н. Тихоновой и М. Малышевой¹.

Итак, можно констатировать, что экономическая зависимость как самостоятельный предмет исследования в настоящее время представлена на макроуровне в работах экономистов и на уровне межличностных взаимодействий в социальной психологии. Настоящее исследование представляет собой попытку *социологического изучения* отношений экономической зависимости, зависимых установок и поведения. При этом мы опираемся на обширный теоретический и эмпирический материал российских и зарубежных исследований, обеспечивающий содержательное наполнение предложенной нами аналитической модели социально-экономической зависимости.

Объектом исследования в диссертационной работе является массовое сознание и экономическое поведение трудоспособного населения России.

Предметом исследования является социально-экономическая зависимость как феномен массового сознания, модель экономического поведения и отношений в условиях монополии на ресурсы одного из субъектов.

Цель исследования состоит в комплексном изучении социально-экономической зависимости трудоспособного населения как социального феномена в условиях индивидуализации жизни современного общества.

Поставленная цель определяет **основные задачи исследования**:

1. Обзор и анализ существующих теоретических подходов к исследованию различных аспектов отношений зависимости в социальных науках.
2. Анализ социально-экономической зависимости как социологической категории с построением интегральной модели отношений Зависимого и Провайдера.
3. Социально-исторический анализ специфики российской и западной экономической культуры с точки зрения поощрения самостоятельных либо зависимых установок и поведения.

---

¹ Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003; Малышева М.М. Современный патриархат. Социально-экономическое эссе. М.: Academia, 2001

4. Выяснение степени преемственности зависимости как черты национальной экономической культуры дореволюционной, советской и современной России.
5. Описание социальных групп, чьи установки и поведение можно характеризовать как (не)зависимые.
6. Выяснение взаимосвязи установок на социально-экономическую зависимость и уровня адаптированности людей.
7. Анализ отношений социально-экономической зависимости в трех сферах: от работодателя, от государства, в домохозяйстве.

Методология исследования

В качестве *методологической основы* диссертационного исследования используется теория структуризации Э. Гидденса. Являясь компромиссом между методологическим индивидуализмом и социоцентризмом, методология активистской социологии сводит воедино индивидуальное действие и структуру и позволяет наиболее адекватно, на наш взгляд, анализировать динамику как индивидуальных ценностей, установок и поведения, так и динамику социальных институтов и процессов.

Выбор *теоретической основы* исследования определяется принципом политеоретичности¹. В связи с заявленной целью комплексного изучения феномена социально-экономической зависимости этот принцип представляется нам наиболее продуктивным. Обоснованность стратегии множественного объяснения изучаемого феномена, стремление к получению его «объемной» картины заключается в уже отмеченной нами степени разработанности исследовательской проблемы. Не являясь предметом специального социологического изучения, проблематика зависимости присутствует в целом ряде теоретических направлений, и нашей задачей является сведение воедино разных теоретических парадигм для построения интегральной модели отношений социально-экономической зависимости. В частности, мы опираемся на следующие теоретические традиции:

- экономико-философская концепция либерализма (Ф. Хайек, Л. Мизес);
- концепции социокультурной укорененности экономического действия (А. Инкелес, П. Димаджио, П. Сорокин, Г. Хофшted);
- теория социального обмена (Дж. Хоманс, П. Блау, Р. Эмерсон);

---

¹ См.: Ядов В.А. Два рассуждения о теоретических предпочтениях // Социологический журнал, 1995. № 2; Ядов В.А. Возможности совмещения теоретических парадигм в социологии // Социологический журнал, 2003. № 3.

- теории «зависимой личности» (Р. Борнштейн, А. Мемми)
- концепции «культуры бедности» и «андекласса» (О. Льюис, К. Аулетта);
- социальная теория феминизма (Р. Листер, А. Соренсен, К. Доулинг).

Эмпирические методы исследования представлены сочетанием «количественных» и «качественных» методов. Сбор количественных данных осуществлялся путем массовых анкетных опросов. Их обработка и анализ осуществлялись с применением пакета программ SPSS+. Методы анализа включали:

- описательную (дескриптивную) статистику;
- поиск взаимосвязей между переменными (условные распределения);
- корреляционный анализ;
- анализ внутренней структуры феномена зависимости методами анализа надежности и факторного анализа (поиска взаимосвязей множества переменных);
- кластерный анализ – многомерную типологизацию населения по стратегиям жизнеобеспечения, ориентациям на поиск внешней поддержки либо опоры на собственные силы, приверженности ценностям независимости.

«Качественные» методы исследования основаны на результатах углубленных интервью. Их анализ основан на интерпретативной социологической традиции и включает генерализацию и типизацию, выявление каузальных связей, нарративный анализ.

Эмпирическая база исследования

Основой эмпирической базы диссертационного исследования являются результаты индивидуального исследовательского проекта «Социально-экономическая зависимость женщин», осуществленного при финансовой поддержке Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров (грант № 03-77876-000-GSS). Эмпирическое исследование опиралось на два типа данных. В октябре-ноябре 2003 г. был проведен массовый репрезентативный опрос населения г. Нижнего Новгорода методом личного стандартизованного интервью. Выборка включала 878 жителей города трудоспособных возрастов (женщины 18-54 лет и мужчины 18-59 лет), попавших в нее методом случайного отбора по месту жительства. Выборка репрезентирует жителей города указанных возрастов по полу и возрасту. В мае-июне 2004 г. были проведены углубленные интервью с женщинами, набравшими наивысшие значения индексов зависимости от государства; работодателей; от

членов своих семей. Всего по трем группам было проведено 32 углубленных интервью.

Кроме этого, в настоящем исследовании использованы эмпирические результаты более ранних проектов с участием автора:

«Совладающее поведение в посткоммунистической России: экономические и социальные стратегии андекласса», выполненного при поддержке Института «Открытое Общество» (проект № 153 /1998) коллективом под руководством В. Радаева. Исследование проводилось в г. Москве, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, Краснодаре и включало проведение двух серий углубленных интервью по 100 чел. и массовый анкетный опрос в 1999 г. (806 чел.) среди трех групп респондентов – вынужденных мигрантов, безработных и «работающих бедных».

«Социально-экономическая зависимость женщин», проведенное при финансовой поддержке Московского общественного научного фонда (МОНФ). В 1999 г. автором проведено 28 интервью в 4 группах женщин: неработающие замужние женщины; «работающие матери», чей доход в семейном бюджете составлял 10% и менее; спонсируемые женщины; одинокие матери, находящиеся на содержании родственников и на государственных пособиях.

«Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм как формы адаптации» (при финансовой поддержке МОНФ). 1998 г. Опрошено 365 чел. по целевой выборке в Нижнем Новгороде.

«Социально-экономическая зависимость как феномен массового сознания» (при финансовой поддержке МОНФ). 1997 г. Опрошено 567 чел. по целевой выборке в Нижнем Новгороде.

«Модернизация перерабатывающей промышленности посредством взаимного трансфера технологий между ЕС, Литвой и Россией», финансируемого Европейской Комиссией (Программа Инко-Коперникус). Н. рук. А. Грудзинский. В 1999 г. опрошены руководители 216 предприятий Нижегородской области, в 2000 г. проведены case-study на 3 предприятиях.

«Эффективный собственник в сельском хозяйстве». Н. рук. А. Грудзинский. В феврале-марте 2003 г. был проведен опрос руководителей 317 сельскохозяйственных предприятий 18 районов Нижегородской области.

Научная новизна исследования

В диссертации предлагается решение новой научной проблемы, имеющей важное социально-культурное значение – комплексное теоретическое и эмпири-

ческое исследование феномена социально-экономической зависимости трудоспособных граждан. Новыми научными результатами диссертационного исследования являются:

1. Построение теоретической 5-компонентной модели для социологического анализа феномена социально-экономической зависимости, базирующейся на синтезе философского, экономического, социологического и психологического подходов к его изучению.
2. Обоснование вывода об исторически сложившемся противоположном отношении к экономической зависимости трудоспособных людей в западной и российской культурах.
3. Обоснование связи «зависимых» установок с трудностями социально-экономической адаптации трудоспособного населения.
4. Классификация факторов социально-экономической зависимости граждан от государства, в сфере трудовых и семейных отношений.
5. Создание социального портрета групп трудоспособных граждан, экономически зависимых от государства; работодателя; от членов семьи.
6. Интерпретация отношений между провайдерами – работодателями и кормильцами в домохозяйствах – и зависимыми работниками и членами семей как отношений власти.
7. Обоснование вывода о неэффективности отношений зависимости с точки зрения нашего понимания «успешной адаптации».
8. Обоснование вывода о самовоспроизводящемся и кумулятивном характере отношений социально-экономической зависимости.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Основными компонентами отношений социально-экономической зависимости как в публичной, так и в приватной сферах являются следующие: 1) Потребность Зависимого в ресурсах жизнеобеспечения; 2) Монополия Провайдера на необходимые Зависимому ресурсы; 3) Заменяемость Зависимого для Провайдера; 4) Властные преимущества Провайдера; 5) Воспроизводящийся и кумулятивный характер отношений зависимости.
2. Проведенное историко-социологическое исследование показало исторически сложившееся противоположное отношение к экономической зависимости трудоспособных людей в западной и российской культурах. В западном обществе ценности экономической самостоятельности были оплотом эко-

номического процветания наций, а экономическая зависимость трудоспособных людей исторически связывалась с понятием «неприличной бедности». Идеология предоставления государственной помощи малоимущим за последние полтора столетия прошла этапы «укрощения опасных классов», «утверждения социальных прав» и в настоящее время вернулась к пониманию неприемлемости зависимости трудоспособного человека от общественного вспомоществования. Что касается российской экономической культуры, то социально-экономическая зависимость является одной из ее характерных черт. Она была сформирована в условиях многовековых ограничений экономической свободы со стороны государства и крестьянской общины. На всем протяжении истории России отношения социально-экономической зависимости и соответствующие культурные нормы были неэффективными и тормозили социально-экономическое развитие страны.

3. Показана связь «зависимых» установок с трудностями социально-экономической адаптации трудоспособного населения. Социально-политические установки массового сознания значительно больше тяготеют к консервативно-патерналистской модели, нежели к либерально-рыночной. Установки на зависимость в экономическом поведении – атрибут дезадаптированных групп, следствие и фактор дальнейшего углубления их экономической депривации.
4. Социально-экономическая зависимость от государства, в сфере трудовых и семейных отношений определяется четырьмя группами факторов: структурные ограничения экономического поведения; низкая ресурсная обеспеченность зависимых; существующий у них комплекс «зависимой личности»; зависимость как нормативная ценность.
5. Группы трудоспособного российского населения с высокими индексами зависимости от государства и работодателя в значительной степени перекрываются: это низкоресурсные «работающие бедные» со средним образованием, среди которых преобладают рабочие и женщины. В случае зависимости от государства ведущим фактором оказались низкие доходы, зависимости от работодателя – предпенсионный возраст. Зависимые в домохозяйстве на две трети представлены женщинами, на треть – мужчинами. Женская экономическая зависимость в домохозяйстве в большей степени связана с состоянием в браке, статусом домохозяйки или пребыванием в

отпуске по уходу за ребенком. Мужская – с нестабильной занятостью и низкими личными доходами.

6. В ситуации экономической зависимости в сфере трудовых и семейных отношений возникают отношения власти, в которых Провайдер обеспечивает себе возможность контроля поведения и сознания зависимых. Контроль поведения проявляется в ограничении мобильности Зависимого, установлении выгодных Провайдеру условий взаимодействия и распределения ресурсов. Контроль над сознанием заключается в целенаправленном формировании у Зависимого комплекса «зависимой личности» и моральных обязательств перед Провайдером.
7. Отношения зависимости являются неэффективными с точки зрения нашего понимания «успешной адаптации». Они обуславливают: 1) ущемление прав и свобод Зависимого; 2) его повышенную экономическую уязвимость и низкий адаптивный потенциал. Провайдер также несет издержки неэффективности таких отношений. В случае с работодателем к ним относится негативный отбор работников; в семье – наличие экономически зависимых взрослых членов семьи обуславливает относительное социально-психологическое неблагополучие и экономическую уязвимость домохозяйства.
8. Кумулятивный характер отношений зависимости обусловлен тем, что, контролируя поведение Зависимого, Провайдер закрепляет депривацию Зависимого от важных для него ресурсов. Контроль над сознанием обеспечивает лояльность Зависимого, его управляемость, снижение притязаний, готовность поддерживать отношения зависимости. Отношения зависимости в публичной и частной сферах образуют «порочный круг» гендерного экономического неравенства.

Научная и практическая значимость результатов исследования

Основная *научная значимость* исследования заключается в разработке аналитической модели отношений социально-экономической зависимости. Продемонстрированы возможности этой модели при анализе эмпирического материала. Проведено комплексное исследование феномена социально-экономической зависимости – типа взаимодействия социальных акторов в условиях монополии одного из них на жизненно важные ресурсы; феномена сознания; стратегии экономического поведения. В работе систематизированы результаты исследований зару-

бежных авторов, до настоящего времени не введенных в научный оборот в российском социологическом сообществе. Прежде всего это работы, посвященные проблематике социальной власти, «культуры бедности», распределения власти и ресурсов в домохозяйстве.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в анализе результатов государственных программ поддержки малоимущих слоев населения в странах с развитой рыночной экономикой в плане предотвращения формирования «государственно-зависимого» слоя трудоспособных людей.

Обширный материал, представленный в диссертационной работе, может быть использован в преподавательской деятельности по специальностям «социология» и «социальная работа» – как в качестве основы специального курса по проблеме социально-экономической зависимости, так и составной части различных учебных курсов, таких как социология власти, экономическая социология, социология общественного мнения, гендерная социология, историческая социология, социология труда.

Подтверждением научной и практической значимости диссертационной работы являются полученные автором индивидуальные гранты российских и международных научных фондов, поддержавших настоящее исследование на разных его этапах и разработку учебных материалов на его основе. В их числе:

Московский общественный научный фонд при содействии Фонда Форда (США)

- 3 индивидуальных исследовательских проекта в рамках программы поддержки молодых ученых «Российские общественные науки: Новая перспектива» (1996-1999 гг.).

ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование), Москва

- Грант на индивидуальное исследование «Социально-экономическая зависимость населения России в период реформ», грант № КИ 251-1-01 (2002 г.)

Национальный Совет по евразийским и восточноевропейским исследованиям США (NCEEER)

- Грант на индивидуальное исследование «Социально-экономическая зависимость населения России» (2002 г.)

Фонд К. и Дж. Макартуров, Программа индивидуальных исследовательских проектов

- Грант на индивидуальное исследование «Социально-экономическая зависимость женщин», грант № 03-77876-000-GSS (2003-2004 гг.)

Программа индивидуальных грантов Европейской Комиссии TEMPUS

- Индивидуальный грант на разработку спецкурса «Социально-экономическая зависимость: феномен сознания и стратегия экономического поведения» (2004 г.).

Апробация результатов исследования

Основные результаты диссертационного исследования были изложены на международных, российских, региональных конференциях и семинарах, летних школах. В их числе: I и II Всероссийские социологические конгрессы «Социология и общество» (С.-Петербург, 2000 г.) и «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы» (Москва, 2003); Симпозиумы Московской высшей школы социальных и экономических наук и Интерцентра «Куда идет Россия? Власть, общество, личность» (2000), «Кто и куда стремится вести Россию? Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса» (2001), «Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики» (2002); конференции «Государственное регулирование экономики. Региональный аспект» (Н. Новгород, 1999, 2001, 2003 г.), «Россия и россияне: выбор пути» (Н. Новгород, 2000 г.), «Социальная политика социального государства» (Н. Новгород, 2002 г.), «Прикладная статистика в социально-экономических проблемах» (Н. Новгород, 2003 г.), «Малая социальная группа: социокультурный и социопсихологический аспекты» (Н. Новгород, 2004 г.), «Организация в фокусе социологических исследований» (Н. Новгород, 2005 г.), межрегиональные семинары «Маргинальность в современной России» (Москва – Н. Новгород, 2000 г.), «Социологические исследования в социальной работе» (Н. Новгород, 2001 г.); Виртуальная мастерская Московского общественного научного фонда «Поиск эффективных институтов для России XXI века» (2000 г.).

Результаты диссертационного исследования опубликованы в 45 научных публикациях, в том числе одной монографии объемом 17,9 а.л., 44 статьях и текстах докладов на конференциях общим объемом около 50 а.л. В их числе 17 статей, опубликованных в рецензируемых изданиях.

На основе результатов диссертационного исследования разработаны и опубликованы спецкурсы для студентов факультета социальных наук Нижегородского госуниверситета: «Теория социальной работы», «Феминология», «История социальной работы в России», «Институциональная экономика для социологов», «Вынужденная миграция: проблемы и решения», «Социально-экономическая за-

зависимость как феномен массового сознания и стратегия экономического поведения». Разработка Интернет-программы последнего спецкурса была поддержана Образовательным порталом Высшей школы экономики «Экономика. Социология. Менеджмент»; программа курса доступна по адресу <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/128018.html> .

Структура диссертации

Диссертация состоит из Введения, четырех глав, Заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во Введении обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, раскрывается степень научной разработанности проблемы, формулируются объект, предмет, цель, задачи, методология и эмпирическая база исследования, его научная новизна, положения, выносимые на защиту, научная и практическая значимость результатов исследования, описывается апробация результатов работы.

Первая глава – «Социально-экономическая зависимость как предмет социологического исследования» – посвящена разработке аналитической модели феномена социально-экономической зависимости.

В параграфе 1.1. – «Проблематика социально-экономической зависимости в различных теоретических концепциях» – делается обзор релевантных теоретических концепций, на основе которых выделяются ключевые компоненты отношений зависимости. Интегральная аналитическая модель социально-экономической зависимости в диссертационном исследовании базируется на анализе следующих концепций: социолого-экономическая концепция либерализма; «гуманистический» подход, представленный произведениями Ф. Достоевского и Э. Фромма; макроэкономическая теория зависимости; теории социокультурной укорененности экономического действия, в числе которых мы выделяем концепции национального характера, экономической ментальности, экономической культуры, а также институциональную экономическую теорию; теория ресурсной зависимости в исследованиях организаций; теория социального обмена; социально-

психологические теории «зависимой личности»¹; концепции «культуры бедности» и андекласса; социальная теория феминизма².

Рассмотренные концепции предлагают разные уровни анализа зависимости – международный; социетальный; организационный; индивидуальный. Соответственно, субъектами отношений зависимости могут выступать: государства и транснациональные корпорации; регионы; организации; большие и малые социальные группы; индивиды.

Наиболее разработанной проблематика зависимости является на макро- и микроуровне взаимодействия зависимого и провайдера – в теории «зависимого развития», теории социального обмена, теориях «зависимой личности». В то же время, на мезоуровне, то есть уровне взаимодействия социальных групп, проблема социально-экономической зависимости пока что не являлась предметом специального социологического изучения.

В параграфе 1.2. – «Анализ понятия социально-экономической зависимости» – предлагается 5-компонентная модель для социологического анализа феномена социально-экономической зависимости³. Мы выделяем следующие ключевые компоненты отношений Зависимого и Провайдера.

1). Зависимый испытывает высокую потребность в некотором объекте (благе, ресурсах).

2). Провайдер – субъект, обладающий данным благом или контролирующий доступ к нему, – является для Зависимого безальтернативным поставщиком такого блага, то есть обладает монополией на необходимые Зависимому ресурсы.

3). В свою очередь, Зависимый не является уникальным поставщиком необходимых для Провайдера ресурсов (благ). Это значит, что Зависимый заменим с точки зрения Провайдера и что Зависимый в большей степени заинтересован в Провайдере, чем Провайдер в Зависимом.

4). На основании (1) – (3) Провайдер получает властные преимущества, контролируя условия предоставления необходимых Зависимому ресурсов (благ).

5). Подобное взаимодействие закрепляет неблагоприятную позицию Зависимого, ограничивая ему доступ к необходимым ему ресурсам и формируя у него «зависимые» поведенческие стратегии.

---

¹ См.: Балабанова Е.С. Теории «зависимой личности»: возможности социологической интерпретации // Личность. Культура. Общество. 2005. Т. 7. Вып. 4 (28).

² См.: Балабанова Е.С. Социально-экономическая зависимость: история, теория, современность : Монография. Н. Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, 2004. Гл. 1.

³ См.: Балабанова Е.С. Экономические основания социальной власти: теоретическая модель социально-экономической зависимости // Социологические исследования, 2006. № 1.

В настоящей работе рассмотрение феномена зависимости ограничено *социально-экономической зависимостью*, объектом которой являются ресурсы жизнеобеспечения людей¹.

На основе анализа ключевых составляющих отношений зависимости мы определяем *социально-экономическую зависимость как отношения между социальными акторами, возникающие по поводу обмена экономическими ресурсами и характеризующиеся подчинением низкоресурсного актора высокоресурсному*.

Важнейшими особенностями такого взаимодействия являются высокая потребность Зависимого актора в ресурсах, находящихся под контролем другого актора – Провайдера. По причинам своего возникновения зависимость может быть следствием 1) структурных барьеров, ограничивающих доступ одних экономических акторов к ресурсам и позволяющих другим монополизировать их; 2) недостаточных ресурсов самого Зависимого.

Ввиду того, что Зависимый не может получить эти ресурсы из альтернативного источника и не в состоянии предложить в обмен столь же ценные для Провайдера ресурсы, их отношения носят асимметричный характер, то есть осуществляются по схеме «донор-реципиент». Последнее создает условия для обретения Провайдером властных преимуществ. Контролируя доступ Зависимого к экономическим ресурсам, Провайдер получает возможность контролировать 1) поведение Зависимого на основе угроз прекращения доступа к экономическим ресурсам («принуждения») либо обещаний расширить возможности этого доступа («торга»); 2) его сознание путем целенаправленного формирования у последнего комплекса ожиданий, моральных обязательств и лояльности.

Таким образом, Провайдер конвертирует свои экономические преимущества в социальные. Последствия отношений зависимости заключаются в 1) закреплении депривации Зависимого от необходимых ему экономических ресурсов; 2) развитии у него зависимости как феномена сознания – стремлении делегировать Провайдеру ответственность за себя и готовность отказаться от ряда своих прав и свобод в обмен на материальную обеспеченность.

Социально-экономическая зависимость как феномен сознания включает в себя 1) когнитивные, мотивационные, эмоциональные и поведенческие характеристики «зависимой личности», то есть уверенность в собственной беспомощно-

---

¹ См.: Балабанова Е.С. Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм: стратегии «негативной адаптации» // Социологические исследования, 1999. № 4; Балабанова Е.С. Социально-экономическая зависимость как социологическая категория // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». Вып. 1. Н. Новгород: Издательство Нижегородского университета, 2001.

сти, страх перед совершением самостоятельных действий, низкие показатели самооэффективности; 2) зависимость как нормативную ценность, то есть комплекс представлений, обосновывающих притязания Зависимого на получение поддержки со стороны Провайдера.

Социально-экономическая зависимость как феномен сознания и депривация от необходимых ресурсов обуславливает низкий адаптивный потенциал ее носителей и оказывает воздействие на их поведение в двух основных направлениях: 1) экономическая пассивность; 2) враждебные действия в отношении Провайдера. В первом случае индивиды смиряются со своей экономической депривацией, нарушением прав и ограничением свободы. Во втором – стремятся сохранить или восстановить отношения зависимости, используя способы внеэкономического давления на Провайдера (коллективные акции протеста, шантаж, психологическое и физическое насилие).

Во второй главе – «Социально-экономическая зависимость в западном обществе» – анализируются основные отличия западной (главным образом, англо-американской) культурной традиции отношения к проблеме экономической зависимости в контексте вопросов общественного вспомоществования малоимущим и степени экономической свободы, которую должно гарантировать своим гражданам государство¹.

В доиндустриальный период экономическая зависимость граждан от верховной власти была обусловлена структурными причинами – правовым режимом условного владения собственностью, представлениями о божественном происхождении верховной власти и необходимости беспрекословного подчинения ей, то есть моделью взаимодействия государства и гражданина, описанной в «Левиафане» Т. Гоббса. Экономическая несвобода индивидов также обуславливалась идеологией подчинения индивидуальных интересов групповым, общинной организацией жизни, ограниченностью возможностей выбора профессиональных занятий.

В эпоху индустриализации зависимость граждан от государства была ослаблена благодаря надежной защите прав частной собственности и формированию либерального правового государства (модель которого получила обоснование в трудах Дж. Локка), ограничивающего пределы вмешательства верховной власти в жизнь граждан. Большой экономической свободе способствовала индивидуализа-

---

¹ См.: Балабанова Е.С. Социально-экономическая зависимость: история, теория, современность : Монография. Н. Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, 2004. Гл. 2.

ция общественной жизни, тесно связанная с процессами урбанизации, формирования среднего класса и идеологией протестантизма.

По мере того как ослабевали структурные, усиливалось внимание к индивидуально-личностным причинам бедности и экономической зависимости. Это нашло отражение в сложившемся к началу XIX в. разделении бедных на «приличных» (чья бедность – результат не зависящих от них обстоятельств) и «неприличных» (те, которые бедны и зависимы из-за своих личностных качеств). По этой причине в западной культуре сформировалось представление о зависимости как культурной и экономической девиации, негативное отношение к трудоспособным людям, пользующимся общественным вспомоществованием. Складывающиеся в середине-конце XIX в. первые государственные программы социальной защиты преследовали, прежде всего, задачу «укрощения опасных классов» с целью недопущения социальных взрывов на почве массовой бедности и экономического неравенства.

Новая идеология в отношении помощи нуждающимся формируется в период становления Государств всеобщего благоденствия (*Welfare States*). С 1930-40-х гг. XX в. становится популярной концепция всеобщих «социально-экономических прав», предполагающая такой гарантированный государством минимум доходов, который позволял бы вести каждому гражданину «удобно устроенную жизнь». Одним из результатов новой социальной политики этих государств стало формирование так называемого «андекласса» (*underclass*) – социального слоя трудоспособных людей, постоянно или длительное время живущих на социальные пособия¹. Зависимость андекласса начиная с 1960-х гг. стала предметом пристального внимания политиков и общественности.

Правые политические силы объясняют эту зависимость индивидуально-личностными особенностями представителей андекласса, «культурой зависимости» и рациональным выбором этих людей в пользу паразитирования на обществе. Они акцентируют внимание на негативных последствиях зависимости андекласса от государственной поддержки для самого государства и общества в целом (дороговизна программ, нерациональное расходование средств, угроза трудовой этике со стороны «культуры зависимости», угроза экономической свободе, которую несет в себе государство с раздутыми социальными обязательствами).

---

¹ См.: Балабанова Е.С. Андекласс: понятие и место в обществе // Социологические исследования, 1999. № 12.

Левые отдают приоритет структурным барьерам, лишаящим андекласс ресурсов жизнеобеспечения, то есть считают его продуктом «социальной несправедливости», социально-экономического неравенства. Ими отмечаются издержки зависимости для самих представителей андекласса: они остаются ограниченными в доступе к экономическим ресурсам общества, не имеют возможности улучшить свое положение, а также в том, что зависимость способствует потере самоуважения и формированию «собесовской ментальности» (*Welfare mentality*).

К началу 1990-х гг. неэффективность программ социального обеспечения стала столь очевидной, что правительства развитых стран начинают предпринимать усилия по их реформированию с целью содействия экономической независимости представителей андекласса. США и Великобритания, инициировавшие этот процесс, осуществили наиболее жесткий вариант реформ, которые предполагают ограничение сроков пребывания на пособии, участие в общественных работах как условие получения пособий (*workfare*) и жесткий контроль за поведением и образом жизни получателей. Страны континентальной Европы отличаются более мягкими методами реформирования своих социальных программ, делающими акцент на «социальной активации» безработных и расширении возможностей их трудоустройства. В обоих случаях ставка делается на поощрение экономической независимости низкоресурсных людей.

Обращение к западному опыту позволяет, во-первых, провести сравнительный анализ структурных и индивидуально-личностных причин социально-экономической зависимости в западной и российской культурах, формирования модели отношений граждан и государства. Во-вторых, зная результаты западных программ «Войны с бедностью», Россия имеет шанс не повторить их ошибок. Феномен андекласса – свидетельство того, что без встроенных в фундамент социальных программ мер по стимулированию самообеспечения трудоспособного населения «адресные» программы неизбежно будут формировать специфический слой государственно-зависимого населения.

Третья глава – «Социально-экономическая зависимость в российской экономической культуре» – представляет анализ исторически сложившихся в России национальных политических, экономических, социальных институтов, обуславливающих массовое распространение зависимых установок и стратегий экономического поведения¹.

---

¹ См.: Балабанова Е.С. Особенности российской экономической ментальности // Мир России. Социология. Этнология. Том X. 2001, № 3; Балабанова Е.С. Исторические особенности генезиса рос-

На всем протяжении истории России общество испытывало гораздо более сильные ограничения экономической свободы, чем общества западных стран в периоды Средневековья, Нового и Новейшего времени. Главными субъектами этих ограничений, монополизировавшими экономические ресурсы общества, были государство и крестьянская община.

Важнейшими последствиями структурных ограничений экономической свободы стали: 1) правовая и экономическая уязвимость граждан, широкие возможности контроля над ними путем внеэкономического принуждения. С этим была неразрывно связана авторитарная модель российского / советского государства; 2) формирование в национальном характере черт «зависимой личности», а в национальной экономической культуре – системы ценностей, легитимирующих отношения власти и зависимости, абсолютизирующих моральные измерения экономической деятельности, отсутствие идеи персональной ответственности человека за свое благосостояние, неправое сознание, связанное с неуважением к правам личности и частной собственности и антилиберальным пониманием свободы.

Отношения социально-экономической зависимости и выработанные в их условиях соответствующие культурные нормы и черты национального характера были неэффективными и тормозили социально-экономическое развитие страны, поскольку: 1) не способствовали мотивации экономически эффективной деятельности; 2) определяли «догоняющий» характер российских / советских модернизаций; 3) создавали условия хронической общественной нестабильности в стране.

Четвертая глава – «Социально-экономическая зависимость в современной России» – посвящена комплексному анализу зависимости как феномена массового сознания и как типа отношений низко- и высокоресурсных акторов в условиях монополии последних на ресурсы¹. Глава основана на материалах анализа результатов эмпирических исследований, проведенных автором в 2000-2006 гг.

Параграф 4.1. – «Социально-экономическая зависимость как феномен массового сознания» – представляет анализ зависимости как нормативной ценности массового сознания и комплекса характеристик «модальной зависимой личности».

сийского рынка / Становление рынка в постсоветской России: Институциональный анализ / Под ред. Р.М. Нуреева. – М.: Аспект Пресс, 2002; Балабанова Е.С. Социально-экономическая зависимость: история, теория, современность : Монография. Н. Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, 2004. Гл. 3.

¹ См.: Балабанова Е.С. Социально-экономическая зависимость в массовом сознании населения современной России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2004, вып. 1(3); Балабанова Е.С. Социально-экономическая зависимость: история, теория, современность : Монография. Н. Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, 2004. Гл. 4.

Данные Таблицы 1 мы интерпретируем как широкую распространенность зависимости как нормативной ценности в массовом сознании россиян, основанной на преемственности православной экономической культуры. Тот факт, что государство уже два десятилетия не гарантирует своим гражданам ни работы, ни жилья, ни минимума доходов, то есть распад *системы* государственного патернализма, вовсе не отменяет *ожиданий* патернализма со стороны населения. Ожидание от государства выполнения большого объема социальных обязательств слабо дифференцировано по разным социальным группам.

Таблица 1

Установки населения на социально-экономическую зависимость, %

<i>Утверждения</i>	<i>Не согласны, категорически не согласны, %</i>	<i>Трудно сказать, %</i>	<i>Согласны, полностью согласны, %</i>
Надо получить от государства все, что мне полагается по закону, даже если я могу без этого обойтись	14	26	60
Гарантированные материальные блага развращают людей, лишая их стимулов упорного труда	49	30	21
Государственная помощь унижает трудоспособного человека	69	22	9
Государство должно обеспечить всех своих граждан...			
... работой	4	7	89
... сносным жильем	2,5	8	89
... гарантированным доходом на уровне прожиточного минимума	2,5	5	92

В массовом сознании преобладает «потребительское» понимание свободы, приоритетность социальной защищенности перед гражданскими правами и свободами и высокий уровень доверия к социальным институтам, утверждающим верховенство надындивидуальных интересов и ценностей¹.

По совокупности ответов респондентов мы вычисляли индексы «либерализма» и «патернализма». При максимально возможных значениях индексов 10 абсолютное большинство респондентов – 75% – оказались расположенными по «шкале патернализма» в диапазоне значений 4-8 (средний и высокий уровни), в то время как по «шкале либерализма» 84% респондентов размещены в диапазоне значений 0-3 (нулевой и низкий уровни). Доля респондентов, относящих себя по идейно-политической самоидентификации к «либералам», ничтожно мала (0,2%).

¹ См.: Балабанова Е.С. Социально-экономическая зависимость: история, теория, современность : Монография. Н. Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, 2004. Гл. 4.

Все это позволяет утверждать, что социально-политические установки массового сознания значительно больше тяготеют к консервативно-патерналистской модели, нежели к либерально-рыночной.

На общем фоне существует весьма малочисленный «либеральный» сегмент общества, представленный экономически успешными респондентами моложе 35 лет, с высшим образованием. Главным фактором, обуславливающим высокие ранги ценности свободы-независимости и индивидуальной ответственности, оказался социальный статус предпринимателя. Эта группа представляет людей «новой формации», резко отличающихся от остальной выборки по исследуемым нами показателям. Доля «умеренных либералов» оценена нами в 15% трудоспособного населения Н. Новгорода, в том числе доля «радикальных рыночников» – не более 5%.

Наблюдается рассогласованность между социально-политическими установками и установками в сфере экономического поведения. Сохраняя в большинстве своем декларативную приверженность ценностям государственного патернализма, население сильно дифференцировано по установкам на достижения, готовность к большим трудозатратам и риску ради обеспечения материального благополучия (таблица 2).

Таблица 2

Установки мужчин и женщин на способы жизнеобеспечения, %

<i>Какую из предложенных альтернатив Вы бы предпочли?</i>				
Работать не надрываясь, пусть и жить скромно 11%		Затруднились с ответом 22%	Много работать и много зарабатывать 67%	
Мужчины 9%	Женщины 13%		Мужчины 76%	Женщины 59%
Иметь небольшой, но гарантированный заработок 35%		Затруднились с ответом 31%	Рисковать и «крутиться» в жизни, чтобы жить богаче 34%	
Мужчины 30%	Женщины 40%		Мужчины 42%	Женщины 25%

Можно утверждать, что в своем экономическом поведении половина трудоспособного населения реализует принцип индивидуальной ответственности и ориентации на собственные силы. В особенности эти установки характерны для образованных респондентов до 35 лет. Люди в большинстве своем готовы поддерживать популистские лозунги относительно социальных функций государства, однако в реальном экономическом поведении по мере смены поколений стано-

вятся все более распространенными независимые индивидуалистические стратегии.

Установки на зависимость / самостоятельность в экономическом поведении во многом определяют успешность социально-экономической адаптации респондентов¹. Этот вывод основан, помимо анализа условных распределений, на многомерном анализе данных, проведенных в 2 этапа. На первом этапе была применена процедура анализа методом главных компонент отдельно по каждой группе переменных. Из пространства 22 переменных мы перешли в пространство пяти. Показатели адаптированности были сведены к двум факторам, характеристики ценностей и установок – к трем (таблица 3).

Таблица 3

Корреляция главных компонент с исходными переменными

Показатели успешности адаптации (объясненная дисперсия 75%)	
1. «Качественные»	
Оценка материального положения семьи	,800
Динамика материального положения	,788
Самооценка социального статуса	,754
2. «Количественные»	
Личные доходы	,941
Среднедушевые семейные доходы	,922
Индексы ценностей и установок респондентов (объясненная дисперсия 40%)	
1. Ориентация на индивидуальную самостоятельность	
Индекс достижительских ценностей	,686
Ориентация на стабильность/риск	,673
Ориентация на минимизацию / максимизацию трудовых усилий	,644
Индекс либерализма	,571
Улучшение материального положения зависит от Вас самих	,569
Индекс патернализма	-,564
Готовность к трудностям, полагание на собственные силы	,534
Индекс активных способов поведения	,522
Экономическая самостоятельность	,344

¹ См.: Балабанова Е.С. Типы стратегий совладания с жизненными трудностями // Кто и куда стремится вести Россию? Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под общ. ред. Т.И. Заславской. - М.: МВШСЭН, 2001; Балабанова Е.С. Гендерные различия стратегий совладания с жизненными трудностями // Социологические исследования, 2002. № 11; Балабанова Е.С. Социально-экономическая зависимость: история, теория, современность : Монография. Н. Новгород: Издательство Нижегородского государственного университета, 2004. Гл. 4.

2. Ориентация на зависимость в публичной сфере	
Улучшение материального положения респондента зависит от государства	,716
Улучшение материального положения зависит от общей экономической обстановки в стране	,681
Улучшение материального положения зависит от работодателя	,607
Улучшение материального положения зависит от Бога	,382
Индекс патернализма	,352
Индекс либерализма	-,319
Индекс ценностей социальной защищенности	,302
3. Ориентация на зависимость в частной сфере	
Улучшение материального положения зависит от членов Вашей семьи	,639
Улучшение материального положения зависит от родственников	,613
Экономическая самостоятельность	-,495
Готовность к трудностям, полагание на собственные силы	-,402
Индекс ценностей социальной защищенности	,393

Корреляционный анализ пяти факторов обнаружил статистически значимые корреляции установок и успешности адаптации в четырех случаях из шести. Наиболее тесно связаны установки респондентов на самостоятельность и качественные показатели их адаптированности. Люди с выраженной мотивацией достижения, считающие, что только от них зависит их благополучие и принимающие экономическую нестабильность как неотъемлемый элемент рыночной экономики, чувствуют себя более успешными и адаптировавшимися. У таких респондентов будут выше и абсолютные показатели личных и семейных доходов. И наоборот – хуже экономическое самочувствие у тех, кто не ориентирован на достижения, демонстрирует высокую степень патерналистских ожиданий, меньше ориентирован на активные способы преодоления трудностей.

Выделенные нами 5 факторов успешности адаптации и установок были положены в основу классификации респондентов методом кластерного анализа. Мы выделили 4 группы респондентов, существенно различающихся по сочетанию установок и показателей адаптированности.

Кластер 1. «Адаптированная молодежь». 370 чел., 42% выборки. Средний возраст 30 лет. Группа представляет модель «массовой успешной адаптации» – это молодые люди с выраженными достижительскими установками. Со-

храня декларативную приверженность ценностям «социального государства», в реальной жизни эти люди тем не менее полагаются только на себя.

Кластер 2. «Неудачники». 296 чел, 34% выборки. Группа дезадаптированная и по качественным, и по количественным показателям. В группе преобладают женщины (59%), половина группы в возрасте 45 лет и старше. Самый высокий из всех групп удельный вес рабочих (53%). Кластер собрал воедино «проигравших» в ходе рыночных реформ, характеризующихся недостижительскими ценностями, низкими персональными ресурсами и социально-экономической зависимостью от государства как нормативной ценностью. Это единственная группа, где преобладает нисходящая социальная мобильность и которая характеризуется высокой степенью неудовлетворенности своей жизнью и происходящим в экономической сфере.

Кластер 3. «Домохозяйки». 180 чел., 20% выборки. Это самый феминизированный кластер (63% – женщины), представляющий тип «зависимой женской адаптации» – при низких показателях самооэффективности, достижения и самых низких по выборке личных доходах они имеют опору в лице членов своих семей (66% состоят в браке)

Кластер 4. «Преуспевающие». 31 чел., всего 4% выборки. Столь малое количество респондентов характеризует «последовательно независимую» группу – с самым высоким значением фактора ориентаций на индивидуальную самостоятельность и отсутствием ориентаций на зависимость в публичной и частной сферах. Группа, успешная и в качественном, и в количественном измерении адаптации. Это «мужской» кластер (90% мужчин); более чем наполовину он состоит из предпринимателей и руководителей. Средний возраст в этой группе 37 лет. В ней самая высокая доля по группам респондентов с высшим образованием (64%), состоящих в браке (68%) и неверующих (39%).

Таким образом, ориентация на экономическую независимость, достижения и готовность к риску характерна для успешно адаптировавшихся, причем небольшая группа попавших в выборку очень обеспеченных респондентов характеризуется наиболее последовательными либеральными установками. Напротив, установки на социально-экономическую зависимость как нормативная ценность и феномен «зависимой личности» – атрибут «проигравших» групп, следствие и фактор дальнейшего углубления их экономической депривации. Доля таких «зависимых дезадаптантов» составляет около трети выборки, больше всего их среди лиц предпенсионного возраста, с низким уровнем образования, рабочих.

Остальные три параграфа четвертой главы посвящены анализу отношений социально-экономической зависимости от трех субъектов – государства; работодателя; «кормильцев» в домохозяйстве.

В параграфе 4.2. – «Социально-экономическая зависимость от государства» – рассматриваются тенденции сохранения зависимости населения от государства, проявляющиеся в 1) структурных ограничениях свободы экономических субъектов; 2) сохранении патерналистского характера социальной политики¹.

Структурные ограничения экономической свободы в стране сегодня обусловлены гипертрофированной экономической ролью государственной бюрократии, доминированием перераспределительной деятельности в экономической сфере, правовой незащищенностью бизнеса. Легитимация этих ограничений тесно связана с «властоцентричностью» российского общества, «гоббсовской» моделью государства.

Сохранение патерналистского характера российской социальной политики обусловлено высокой степенью социальной напряженности в обществе, широким распространением зависимости как нормативной ценности. Не позволяя снизить уровень бедности в стране, современная система социальной защиты подпитывает иждивенческие ожидания населения. Гендерный анализ социальной политики в отношении женщин показывает, что в России она носит выраженный протекционистский характер и нацелена не на преодоление гендерного неравенства в экономической сфере, но на компенсацию его отдельных проявлений. Придание женщине льготного статуса нередко даже углубляет гендерное неравенство, способствуя дискриминации женщин на рынке труда и меньшему размеру их пенсионных накоплений. Это, в свою очередь, углубляет депривацию женщин от ресурсов экономической независимости.

60% трудоспособного населения Н. Новгорода отметили факт получения хотя бы одного вида государственной помощи.

Высокая степень социально-экономической зависимости трудоспособного населения от государства обусловлена зависимостью как феноменом массового сознания и массовой бедностью. Последняя подпитывает чувства бессилия изменить свою жизнь к лучшему, а также обуславливает неспособность пользоваться возможностями, предоставляемыми рынком – например, приобретать жилье, оп-

---

¹ См.: Балабанова Е.С. Социально-экономическая зависимость: история, теория, современность : Монография. Н. Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, 2004. Гл. 4.

лечивать медицинские или образовательные услуги. Это означает, что предоставляемые государством услуги и материальная помощь по-прежнему значимы для большой части населения.

Таблица 4

Виды помощи и ее значимость для семьи респондентов, %

Получали ли Вы лично следующие виды пособий, помощи и льгот за последние 12 месяцев?	Получали - всего, %	Среди получавших - помощь была для бюджета семьи...		
		Со-всем неважной	Не очень важной	Очень важной
Бесплатные услуги здравоохранения (кроме обязательных медосмотров)	34	17	24	59
Оплачиваемые отпуска по временной нетрудоспособности	25	8	32	60
Государственные пособия на детей	20	35	20	45
Льготы по оплате жилья и коммунальных услуг	19	16	16	68
Льготный проезд в общественном транспорте	11	22	22	56
Пособие по беременности и родам, декретный отпуск, единовременные пособия в связи с рождением ребенка, отпуск и выплаты по уходу за ребенком до 3 лет	8	12	25	63
Пособие по безработице, материальная помощь в связи с безработицей	3	10	23	67
Пособия и натуральная помощь как малоимущим	2	40	10	50

Для выявления групп, наиболее зависимых от государства, нами был подсчитан интегральный индекс зависимости от государства (ИЗГ), состоящий из 15 показателей.

Переменные, вошедшие в Индекс зависимости от государства:

- 1-8 получение различных видов помощи от государства (перечислены в таблице 4) и оценка этой помощи как «очень важной»
- 9 нахождение в очереди на получение бесплатного государственного (муниципального) жилья
- 10-12 неспособность оплачивать расходы на жилье, образование, медобслуживание
- 13 нуждаются в материальной помощи со стороны государства
- 14 экономически несамостоятельны и материально зависят от государства

15 улучшение материального положения полностью или в некоторой степени зависит от государства

Каждому из респондентов было присвоено значение ИЗГ от 0 до 15. У 25% респондентов значение этого индекса было нулевым, у 10% - высоким (от 6 до 14).

Группа с высоким ИЗГ состоит на 70% из женщин; в ней наиболее высока доля неполных семей с детьми (23%); 54% - бедные. 60% в этой группе составляют госслужащие и бюджетники. 53% респондентов отмечают ухудшение своего материального положения за последние 5 лет, предшествовавших опросу. 72% в этой группе старше 35 лет (в том числе 40% старше 45 лет). Это преимущественно люди со средним профессиональным образованием (40%). Здесь самая большая по сравнению с двумя остальными доля рабочих (46%). Медианный возраст в группе 41 год., личные доходы и семейные среднедушевые – самые низкие на фоне остальных групп трудоспособного населения.

Напротив, респонденты с нулевым ИЗГ представлены преимущественно мужчинами (62%). В этой группе практически нет бедных, но самая высокая доля обеспеченных (38%), а также респондентов с высшим образованием (40%). 53% респондентов работают на новых частных предприятиях (фирмах). 65% из них материально стали жить лучше. В этой группе самая малая доля рабочих и самая большая – предпринимателей и руководителей. Медианный возраст в этой группе 31 год, личные доходы – в 2,4 раза выше, чем в «зависимой» группе, семейные среднедушевые – в 2 раза.

Качественный анализ показал, что среди женщин с наиболее высоким индексом зависимости от государства широко распространены экономическая пассивность, отсутствие попыток самостоятельно улучшить свое материальное положение и зависимость как нормативная ценность. Последняя выступает в трех видах: как феномен «зависимой личности»; как нормативная ценность в отношении государственного патернализма; как нормативная ценность, связанная с интернализацией культурной нормы женской зависимости.

Параграф 4.3. – «Социально-экономическая зависимость от работодателя» – представляет анализ отношений зависимости в сфере трудовых отношений. Субъектами этих отношений выступают наемные работники и работодатели¹.

---

¹ См.: Балабанова Е.С. Зависимый работник: социальные характеристики и причины формирования // Медиевистика и социальная работа : Сборник научных трудов / Под ред. Е.А. Молева. Н. Новгород: ННГУ, 2004; Балабанова Е.С. Экономическая зависимость женщин: сущность, причины и последствия // Социологические исследования, 2006. № 4.

К структурным факторам социально-экономической зависимости от работодателя относятся территориальные ограничения, связанные с исторически низкой мобильностью российского населения; включенность работников в патерналистские и неформальные отношения на рабочем месте; отсутствие эффективных институтов защиты коллективных интересов работников.

К индивидуально-личностным факторам социально-экономической зависимости от работодателя относятся наличие дополнительной занятости, степень заменимости работника, а также субъективное восприятие себя зависимым. В отличие от советской командно-административной экономики, где зависимость носила тотальный характер, сегодня индивидуально-личностные качества работников играют определяющую роль в их зависимости.

Социальный портрет зависимых работников определялся нами по совокупности ответов на вопросы, характеризующие 1) низкие возможности «выхода» из отношений с работодателем; 2) включенность в патерналистские отношения с работодателем. Индекс зависимости от работодателя (ИЗР) подсчитывался путем суммирования положительных значений переменных из нижеследующего перечня.

Показатели отсутствия альтернатив нынешнему источнику жизнеобеспечения:

Отсутствие относительно постоянной дополнительной работы

Отсутствие нерегулярных приработков

Работа не устраивает, но респонденты ждут, что им выплатят задержанную зарплату

Работа не устраивает, но некуда идти, трудно найти лучшую работу

Наличие опасений потерять свою нынешнюю основную работу

Отсутствие уверенности, что в случае потери нынешней работы они найдут работу не хуже той, на которой работают сейчас

Считают, что экономически не самостоятельны и зависят от работодателя

Считают, что улучшение их материального положения полностью зависит от работодателя

Показатели включенности в патерналистские отношения с работодателем – работа как условие получения незарплатных благ:

Стоят в очереди на жилье, предоставляемое предприятием

Работа не устраивает, но нужно доработать до пенсии

Работа не устраивает, но нужен непрерывный трудовой стаж

Работа не устраивает, но она обеспечивает социальные льготы

Получение от работодателя видов помощи, которые оцениваются респондентом как «очень важные»:

- материальная помощь
- бесплатные или по льготным ценам питание, проезд на транспорте, приобретение товаров
- содержание детей респондентов в детских дошкольных учреждениях
- оплата отдыха респондентов и членов их семей
- лечение работников и членов их семей

При максимально возможном значении индекса 18 его максимум по выборке работающих по найму респондентов составил 11, медианное значение – 4. Для сравнительного анализа мы разбили респондентов на три группы – с низким значением индекса (0-2) – 8,5%, средним (3-5) – 73%, высоким (6-11) – 18,5%.

В нашем опросе работники с высоким индексом зависимости от работодателя были представлены, преимущественно, бюджетниками (37% заняты на государственных предприятиях и в организациях) и работниками приватизированных предприятий (34%), то есть сотрудниками организаций традиционного, иерархического типа. Напротив, работники с самыми низкими значениями индекса зависимости работают преимущественно в частном секторе экономики (51%).

В группе зависимых сосредоточены работники с низким уровнем образования (12% с неполным средним, 14 – со средним общим). Больше половины из них представлены рабочими – 58%, в то время как среди независимых их всего 27%. Напротив, группа «независимых» состоит из работников с высшим – 44% (среди зависимых – только 18%) и средним профессиональным (38%) образованием, среди них самые высокие доли категорий специалистов – 44% (среди зависимых их только 25%) и руководителей (13%).

Полярные группы зависимых и независимых работников представляют «защищенную» и «доходную» стратегии занятости. Первая характеризуется ориентацией на стабильное рабочее место, получение незарплатных благ по месту работы и использование законодательно положенных работнику льгот. Вторая связана со способностью индивида работать в условиях риска и неопределенности и диверсификацией источников заработка. Стратегия «доходной» занятости оказывается в экономическом плане более эффективной, чем «защищенной».

Социально-экономическая зависимость определяет высокий уровень правовой и экономической уязвимости работника. Помимо выяснения того, насколько сильно различается масштаб нарушения трудовых прав у зависимых и независимых работников, был также проведен сравнительный анализ внутри самой группы зависимых. Для этого мы отдельно рассчитали «Полный индекс зависимости от работодателя (Полный ИЗР)», включающий все 17 параметров, перечисленных в перечне показателей, и «Сокращенный ИЗР», включающий только 8 параметров, характеризующих отсутствие альтернативы нынешней работе.

Таблица 5

Ущемление прав работников с различными индексами зависимости от работодателя, %

<i>Приходилось ли Вам в течение последних 12 месяцев сталкиваться со следующими проблемами, связанными с Вашей работой? Среди работающих по найму, N=649</i>	<i>Зависимые – Сокращенный ИЗР</i>	<i>Зависимые – Полный ИЗР</i>	<i>Независимые</i>
Низкий размер заработной платы	63	63	40
Несоответствие режима, условий труда и техники безопасности принятым нормам	36	33	12
Нарушение устных договоренностей работодателем	28	24	22
Задержки выплат заработной платы (на 1 месяц и более)	24	18	14
Угрозы увольнения, перевода на более низкую должность за попытки отстоять свои законные права	16	17	2
Отказ в предоставлении очередного оплачиваемого отпуска	15	10	5
Неоплачиваемые административные отпуска по инициативе работодателя (на 1 месяц и более)	14	14	12
Препятствия Вашему карьерному росту со стороны руководства	8	10	14

Как видим в таблице 5, наиболее уязвимыми являются низкоресурсные работники, не имеющие альтернативы своей нынешней оплачиваемой занятости и при этом не включенные в патерналистские отношения с работодателем. Получается, что патернализм работодателя в какой-то мере отражает его стремление удержать работников на своих местах, хотя бы и путем ограничения их свободы.

Единственный пункт, по которому группа «независимых» работников набрала больше голосов – это препятствия их карьерному росту, то есть они наиболее чувствительны к нарушениям своих прав, связанных с карьерными амбициями. Нарушения же прав зависимых связаны с их иммобильностью и низкими ресурсами, и это, главным образом, нарушение социальных прав. Даже при том, что зави-

симые работают в бюджетной и приватизированной сферах, достаточно жестко контролируемых трудовым законодательством, они отмечают большее количество нарушений их прав в расчете на одного респондента (2,5, у независимых – 1,7).

Работодатель, имея в своем распоряжении низкоресурсного зависимого работника, обеспечивает себе возможность манипулирования его поведением и сознанием. Манипулирование поведением зависимого работника включает в себя контроль мобильности; условия и размер вознаграждения за труд; условия труда. Действия, совершающиеся в пользу работодателя, внешне носят добровольный характер. Осознающие свое бесправие работники остерегаются проявлять нелояльность работодателю по причинам низкого уровня правосознания; риска потери работы и исключения из неформальных сетей поддержки. Контроль над сознанием зависимых работников делает их принуждение наиболее эффективным. Он заключается в целенаправленном формировании у экономически зависимого работника комплекса «зависимой личности» и моральных обязательств перед своим «благодетелем». В этом случае работодатель обеспечивает себе лояльность работников, их управляемость, снижение их притязаний, готовность поддерживать отношения зависимости.

Экономическая уязвимость зависимых работников проявляется в риске одностороннего отказа работодателя от своих обязательств; дальнейшем их исключении от ресурсов жизнеобеспечения путем рекрутирования в неблагоприятные сегменты рынка труда.

Издержки неэффективности отношений социально-экономической зависимости для работодателя заключаются в ограничении возможностей осуществления «рыночно ориентированных» стратегий развития¹. Существующий в России «постсоветский патернализм» не имеет ничего общего с теми социальными обязательствами, которые берут на себя работодатели в развитых странах Запада. Он является компенсаторной стратегией менеджмента, имеет в своей основе традиционную мотивацию и давление местных властей. Патернализм работодателей сегодня является, прежде всего, механизмом негативного отбора работников, привлекая «слабых» и отталкивая «сильных».

В параграфе 4.4. – «Социально-экономическая зависимость в домохозяйстве» – рассмотрены отношения зависимости в частной сфере, субъектами ко-

---

¹ См.: Балабанова Е.С., Грудзинский А.О. Институциональные условия трансфера технологий // Социологические исследования, 2001, № 4; Балабанова Е.С., Грудзинский А.О., Кудряшов Ю.Г. Модернизация предприятий: факторы и направления // Социологические исследования. 2002. № 6; Грудзинский А.О., Балабанова Е.С., Бедный А.Б. Концентрация собственности в сельском хозяйстве – путь становления эффективного предприятия // Социологические исследования, 2005. № 4.

торых выступают «кормильцы» и члены семьи, не имеющие самостоятельного дохода.

В нашем исследовании мы считали «экономически зависимыми» тех респондентов, чей вклад в общий бюджет домохозяйства составлял менее 10%. Таких среди нижегородских респондентов трудоспособных возрастов, проживающих в семьях из 2 и более человек, оказалось 13%. На момент опроса 35% экономически зависимых женщин находились в отпуске по уходу за ребенком, 22% были домохозяйками, по 16% - учащимися и безработными, 10% работали. 43% зависимых женщин младше 25 лет, еще 38% находятся в возрасте от 25 до 34 лет. По своему семейному положению 68% зависимых женщин состояли в браке (официальном и неофициальном), 25% никогда не были замужем. Что касается зависимых мужчин, то из них треть были безработными, 29% работали по найму, четверть были учащимися. 42% из них младше 25 лет, 49% никогда не состояли в браке, 46% из них женаты. Таким образом, женская зависимость в семье – это, преимущественно, зависимость от мужей, то есть связана с состоянием в браке и уходом за детьми. Мужская зависимость основана на внутрисемейных трансферах «родители → дети» и связана в большей степени с экономической неуспешностью (нестабильной занятостью и низкими доходами) и в меньшей – с обучением по дневной форме.

В группе «кормильцев», обеспечивающих более 75% семейного бюджета, почти две трети составляют мужчины. Высокая же доля женского вклада в семейный бюджет, как правило, связана с экономическим неблагополучием, поскольку женщины обычно оказываются «кормильцами» в качестве глав неполных домохозяйств, в то время как их личные доходы не превышают медианные женские.

Экономическая зависимость в домохозяйстве как отсутствие достаточных личных доходов обусловлена 1) законодательными ограничениями на возможность заниматься определенными видами приносящей доход деятельности; 2) традиционным гендерным разделением труда; 3) женской зависимостью как культурной нормой.

В ситуации экономической зависимости в семье возникают отношения власти¹, которые были классифицированы нами на три группы:

---

¹ См.: Балабанова Е.С. Распределение экономической власти в нижегородских семьях // Малая социальная группа: социокультурный и социопсихологический аспекты: В 2-х т. Т. 2 / Под общ. ред. З.Х. Саралиевой. – Н. Новгород: Издательство НИСОЦ, 2004; Балабанова Е.С. Домашний труд как символ гендера и власти // Социологические исследования, 2005. № 6.

1) ограничение возможностей контроля экономических ресурсов домохозяйства;

2) закрепление неравного распределения домашнего труда. Медианные женские временные затраты на домашнюю работу вдвое превосходят мужские – соответственно 20 и 10 часов в неделю, – а затраты зависимых женщин вдвое превосходят медианные женские – 42 часа. Закрепление неравного распределения труда рассматривалось нами как отношения власти ввиду того, что 1) ведение домашнего хозяйства не обеспечивает независимого дохода; 2) домашняя работа не имеет временных ограничений, обуславливая больший объем совокупной занятости; 3) рутинный характер домашней работы обуславливает ее низкий престиж. У экономически зависимых женщин объем домашнего труда резко возрастает, в то время как экономические зависимые мужчины увеличивают его весьма незначительно. Это позволило сделать вывод, что в распределении домашнего труда работает логика «гендерного дисплея», замаскированная под «рациональный экономический обмен».

3) психологическое и физическое насилие в отношении зависимого члена семьи.

Таблица 6

Наличие различных видов насилия по отношению к респондентам (среди респондентов, проживающих в домохозяйствах размером более 1 чел., N=819), %

Виды насилия	Положительные ответы по группам, %					
	Зависимые (0-9% семейного бюджета)		Вкладывающие от 10 до 73%		Кормильцы (75-100% бюджета)	
	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен
Контроль за Вашими расходами, отказ выдавать деньги на Ваши нужды	53	37	26	26	20	8
Плач, упреки, жалобы с целью повлиять на Вас	47	22	32	16	41	15
Ограничение свободы поведения (заточение в доме, препятствия в общении с друзьями, родственниками)	24	22	16	15	21	7
Психологическое насилие (угрозы, крики, брань, оскорбления)	16	28	15	17	23	12
Запрещение работать	5	19	2	7	4	2
Физическое насилие (побои, толчки, причинение боли, вреда здоровью, сексуальное принуждение)	3	7	2	3	3	2
<i>Среднее количество видов насилия в отношении респондента</i>	<i>1,5</i>	<i>1,4</i>	<i>0,9</i>	<i>0,8</i>	<i>1,1</i>	<i>0,5</i>

Данные таблицы 6 показывают, что в целом экономически зависимые как женщины, так и мужчины испытывают большее давление со стороны других членов семьи, их личностная автономия нарушается сильнее по сравнению с «кормильцами» и теми, кто вносит пропорциональный вклад в семейный бюджет. Это позволяет предположить, что само наличие в семье экономически зависимого взрослого человека (как женщины, так и мужчины) является дестабилизирующим фактором семейных отношений. Частота упоминания случаев физического и психологического насилия в отношении респондентов в семьях обнаружила линейную взаимосвязь с экономической зависимостью у женщин: зависимые подвергаются различным видам насилия наиболее часто, «кормильцы» – реже всех.

Наиболее ярко отношения власти на основе экономической зависимости выражены в обеспеченных семьях¹. В целом же взаимосвязь экономической зависимости и бесправия в нижегородских семьях выражена слабее, чем в американских и западноевропейских семьях «среднего класса». Статус кормильца обеспечивает *потенциальную* власть над зависимыми, однако в исследованных нами семьях она далеко не всегда оказывается *востребованной*.

К факторам, препятствующим реализации Провайдерами своих властных преимуществ в семье, нами отнесены: 1) «модель сотрудничества» в супружеских отношениях, более свойственная женщинам с «традиционными» установками и мужчинам с «эгалитарными»; 2) значительная экономическая роль женщины в условиях недостаточного семейного дохода; 3) бытовой инфантилизм российских мужчин как наследие советской гендерной системы; 4) проживание в расширенных семьях или экономическая зависимость взрослых детей от родителей (в отличие от зависимости от супруга или партнера).

К негативным последствиям экономической зависимости в семье нами отнесены: 1) экономическая уязвимость зависимого; 2) недоиспользованный человеческий капитал; 3) социально-психологическое неблагополучие семей, где есть взрослые экономически зависимые члены – как женщины, так и мужчины (определялось по частоте упоминаний различных видов насилия в отношении респондентов и экономических конфликтов в семьях).

Экономическая зависимость женщин является одним из ключевых звеньев «порочного круга» гендерного экономического неравенства². Он заключается в

---

¹ См.: Балабанова Е.С. Зависимость женщин: теоретические подходы к изучению // Гендерные исследования, № 4. 2000.

² См.: Балабанова Е.С. Экономическая зависимость женщин: сущность, причины и последствия // Социологические исследования, 2006. № 4.

воспроизводстве культурных норм гендерной идентичности, властных отношений и иллюзии «рациональности» неравного распределения домашних обязанностей. Большой объем домашнего труда, аргументом которому служит экономическая несостоятельность женщин, еще больше эту несостоятельность углубляет. Преимущественная ответственность женщин за домашнее хозяйство уменьшает их способность зарабатывать, обуславливает худшие карьерные перспективы и недостижимые ценности, меньшую мобильность, закрепляя экономическую зависимость женщин от мужей, работодателя или государства.

В **Заключении** представлены итоги исследования, обсуждаются перспективы дальнейшего изучения феномена социально-экономической зависимости. Основными выводами диссертационной работы являются следующие.

В отличие от стран Запада, социально-экономическая зависимость является одним из компонентов российской экономической культуры. На всем протяжении истории России отношения зависимости и соответствующие культурные нормы были неэффективными и тормозили социально-экономическое развитие страны.

В настоящее время определяющей для степени адаптированности населения является ориентация на зависимость / самостоятельность в индивидуальном экономическом поведении. Установки на социально-экономическую зависимость как нормативную ценность и феномен «зависимой личности» характерны для дезадаптированных групп, доля которых составляет около трети трудоспособного населения.

Во всех трех рассмотренных нами сферах женщины преобладают среди респондентов с высокими показателями социально-экономической зависимости. Наиболее уязвимыми и дезадаптированными оказались респонденты, зависимые в публичной сфере – от государства и работодателя. Ядро этой группы составляют низкоресурсные «работающие бедные».

Властные преимущества Провайдера в отношении Зависимого наблюдаются в условиях персонифицированной социально-экономической зависимости в сфере трудовых и семейных отношений. Она является основанием для манипулирования поведением и сознанием зависимых. В первом случае власть обеспечивает провайдерам более широкий доступ к ресурсам и выгодных условий взаимодействия с зависимыми. Во втором она направлена на саму личность зависимых, их установки и представления об обязательствах перед своими провайдерами. В целом отношения зависимости неэффективны как для Зависимого, так и для Про-

вайдера. Самовоспроизводящийся характер этих отношений обусловлен стремлением Провайдера сохранить контроль над ресурсами и закрепить депривацию от этих ресурсов Зависимого.

Как нам представляется, перспективным направлением дальнейшего развития настоящей темы может быть изучение отношений зависимости в социальных сетях – в приватной сфере экономического взаимодействия, выходящего за рамки отдельного домохозяйства. В более широком плане исследование может включать дальнейшую разработку категории социальной власти, в частности, специальное социологическое изучение проблем эксплуатации, влияния, принуждения.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. Балабанова, Е.С. Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм: стратегии «негативной адаптации» / Е.С. Балабанова // Социологические исследования. – 1999. – № 4. – С. 46-57. (1 п.л.)
2. Балабанова, Е.С. Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм как формы адаптации к социально-экономическим условиям / Е.С. Балабанова // Способы адаптации населения к новой социально-экономической ситуации в России. – М.: МОНФ, 1999. – С. 40-48. (1 п.л.)
3. Балабанова, Е.С. Андекласс: понятие и место в обществе / Е.С. Балабанова // Социологические исследования. – 1999. – № 12. – С. 65-70. (0,7 п.л.)
4. Балабанова, Е.С. Социально-экономическая зависимость женщины / Е.С. Балабанова // Российское общество на рубеже веков: штрихи к портрету. – М.: МОНФ, 2000. – С. 49-57. (0,9 п.л.)
5. Балабанова, Е.С. Социально-экономическая зависимость населения в условиях российских реформ / Е.С. Балабанова // Трансформация экономических институтов в постсоветской России (микроэкономический анализ) / Под ред. Р.М. Нуреева. – М.: МОНФ, 2000. – С. 176-188. (0,6 п.л.)
6. Балабанова, Е.С. Социально-экономическая зависимость пожилых / Е.С. Балабанова // Пожилые люди: взгляд в XXI век : Материалы конференции. – Н. Новгород, 2000. – С. 49-50. (0,2 п.л.) ISBN 5-93116-025-6
7. Балабанова, Е.С. Вынужденные мигранты из стран СНГ: проблемы адаптации / Е.С. Балабанова // Россия и россияне: выбор пути : Материалы конференции ученых-обществоведов. – Н. Новгород, 2000. – С. 41-42. (0,2 п.л.)

8. Балабанова, Е.С. Зависимость женщин: теоретические подходы к изучению / Е.С. Балабанова // Гендерные исследования. – 2000. – № 4. – С. 266-277. (0,5 п.л.)
9. Балабанова, Е.С. Вынужденные мигранты: жизненные трудности и ресурсы их преодоления / Е.С. Балабанова // Куда идет Россия? Власть, общество, личность / Под общ. ред. Т.И. Заславской. – М., 2000. – С. 349-358. (0,5 п.л.)
10. Балабанова, Е.С. Вынужденные мигранты из стран СНГ: проблемы адаптации / Е.С. Балабанова // Социология и общество : Тезисы Первого Всероссийского социологического конгресса. – С.-Пб., 2000. – С. 325-326. (0,2 п.л.)
11. Балабанова, Е.С. Вынужденные мигранты: стратегии совладания с жизненными трудностями / Е.С. Балабанова // Экономическая социология. – 2000. – Т. 1, № 2. <http://www.ecsoc.msses.ru/pdf/ecsoc002.pdf> – С. 35-53. (1,5 п.л.)
12. Балабанова, Е.С. Социальное конструирование маргинальности / Е.С. Балабанова // Маргинальность в современной России: коллективная монография – М., 2000. – С. 43-60. (1,5 п.л.)
13. Балабанова, Е.С. Вынужденные мигранты / Е.С. Балабанова // Маргинальность в современной России. – М.: МОНФ, 2000. – С. 143-162. (0,7 п.л.)
14. Балабанова, Е.С. Институциональные условия трансфера технологий / Е.С. Балабанова, А.О. Грудзинский // Социологические исследования. – 2001. – № 4. – С. 39-48. (0,5/0,5 п.л.)
15. Балабанова, Е.С. Особенности российской экономической ментальности / Е.С. Балабанова // Экономические субъекты в постсоветской России: институциональный анализ / Под ред. Р.М. Нуреева. – М.: МОНФ, 2001. – С. 66-98. (1 п.л.)
16. Балабанова, Е.С. Потребление и сбережения домохозяйств современной России: между престижным потреблением «Новых русских» и аскетизмом «Новых Бедных» / Е.С. Балабанова // Экономические субъекты в постсоветской России: институциональный анализ» / Под ред. Р.М. Нуреева. – М.: МОНФ, 2001. – С. 194-220. (1,5 п.л.)
17. Балабанова, Е.С. Социально-экономическая зависимость как социологическая категория / Е.С. Балабанова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки» – Вып. 1. – Н. Новгород: Издательство Нижегородского университета, 2001. – С. 39-42. (0,4 п.л.) ISBN 5-85746-466-8

18. Балабанова, Е.С. Типы стратегий совладания с жизненными трудностями / Е.С. Балабанова // Кто и куда стремится вести Россию? Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под общ. ред. Т.И. Заславской. – М.: МВШСЭН, 2001. – С. 333-339. (0,5 п.л.)
19. Балабанова, Е.С. Сочетание качественных и количественных методов в социологических исследованиях / Е.С. Балабанова // Социологические исследования в социальной работе. – Н. Новгород: НИСОЦ, 2001. – С. 63-70. – 0,5 п.л. ISBN 5-93116-036-1
20. Балабанова, Е.С. Особенности российской экономической ментальности / Е.С. Балабанова // Мир России. Социология. Этнология. – 2001. – Т. X, № 3. – С. 67-77. (0,9 п.л.)
21. Балабанова, Е.С. Стратегии совладания с жизненными трудностями: самостоятельность или зависимость? / Е.С. Балабанова // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3, № 3. <http://www.ecsoc.msses.ru/pdf/ecsoc010.pdf> – С. 59-78. (1,3 п.л.)
22. Балабанова, Е.С. О роли государства в формировании российской экономической ментальности / Е.С. Балабанова // Государственное регулирование экономики. Региональный аспект. Материалы третьей международной научно-практической конференции – Т. II. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2001. – С. 217-219. (0,2 п.л.) ISBN 5-85746-644-
23. Балабанова, Е.С. Модернизация предприятий: факторы и направления / Е.С. Балабанова, А.О. Грудзинский, Ю.Г. Кудряшов // Социологические исследования. – 2002. – № 6. – С. 18-28. (0,4/0,4/0,2 п.л.)
24. Балабанова, Е.С. Исторические особенности генезиса российского рынка / Е.С. Балабанова // Становление рынка в постсоветской России: Институциональный анализ / Под ред. Р.М. Нуреева. – М.: Аспект Пресс, 2002. – С. 9-56. (2,2 п.л.)
25. Балабанова, Е.С. О комплексном характере социологических исследований / Е.С. Балабанова // Социологические исследования. – 2002. – № 10. – С. 11-16. (0,5 п.л.)
26. Балабанова, Е.С. Гендерные различия стратегий совладания с жизненными трудностями / Е.С. Балабанова // Социологические исследования. – 2002. – № 11. – С. 26-36. (1 п.л.)
27. Балабанова, Е.С. Социальные аспекты модернизации предприятий / А.О. Грудзинский, Е.С. Балабанова // Социальная политика социального госу-

- дарства : Материалы международной научно-практической конференции / Под ред. З.Х. Саралиевой. – Н. Новгород: Издательство НИСОЦ, 2002. – С. 451-454. (0,1/0,1 п. л.) ISBN 5-93116-007-8
28. Балабанова, Е.С. Аграрный сектор: социальные результаты реформ и ресурсы институционального развития / Е.С. Балабанова, А.Б. Бедный // Управление управляющими: проблемы субъектно-объектных отношений. Материалы всероссийской научно-практической конференции. – Н. Новгород: Нижегородский региональный институт управления и экономики АПК, 2002. – С. 133-139. (0,2/0,2 п.л.) ISBN 5-902355-02-8
29. Балабанова, Е.С. Социально-экономическая зависимость женщин / Е.С. Балабанова // Экономическая социология. – 2003. – Т. 4, № 3. <http://www.ecsoc.msses.ru/pdf/ecsoc015.pdf> – С. 106-119. (1 п.л.)
30. Балабанова, Е.С. Социальное неравенство: факторы углубления депривации / Е.С. Балабанова, А.С. Балабанов // Социологические исследования. – 2003. – № 7. – С. 34-43. (0,5/0,5 п.л.)
31. Балабанова, Е.С. Поведение женщин и мужчин в ситуации жизненных трудностей / Е.С. Балабанова // Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы». – Т. 3. – М.: Альфа-М, 2003. – С. 579-581. (0,1 п.л.)
32. Балабанова, Е.С. Процессы накопления преимуществ и углубления депривации: к постановке исследовательской проблемы / Е.С. Балабанова, А.С. Балабанов // Экономическая социология. – 2003. – Том 4, № 4. – С. 62-78. <http://www.ecsoc.msses.ru/pdf/ecsoc016.pdf> (0,5/0,5 п.л.)
33. Балабанова, Е.С. Социально-экономическая зависимость: история, теория, современность : Монография / Е.С. Балабанова. Н. Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, 2004. – 269 с. – 17,9 а.л. ISBN 5-85746-676-8.
34. Балабанова, Е.С. Социально-экономическая зависимость как установка экономически неуспешных групп населения / Е.С. Балабанова // Перекресток культур: Междисциплинарные исследования в области гуманитарных наук. – М.: Логос, 2004. – С. 168-195. (1,7 п.л.)
35. Балабанова, Е.С. Распределение экономической власти в нижегородских семьях / Е.С. Балабанова // Малая социальная группа: социокультурный и социопсихологический аспекты / Под общ. ред. З.Х. Саралиевой. – Т. 2 – Н.

- Новгород: Издательство НИСОЦ, 2004. – С. 48-50. (0,2 п.л.) ISBN 5-83116-061-2
36. Балабанова, Е.С. Региональное развитие: фактор эффективного собственника в управлении сельскохозяйственным предприятием / А.О. Грудзинский, Е.С. Балабанова, А.Б. Бедный // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Инновации в образовании». – Вып. 1(5). – 2004. – С. 181-193. (0,4/0,4/0,2 п.л.) ISSN 1811-5993
37. Балабанова, Е.С. Зависимый работник: социальные характеристики и причины формирования / Е.С. Балабанова // Медиевистика и социальная работа : Сборник научных трудов / Под ред. Е.А. Молева. – Н. Новгород: ННГУ, 2004. – С. 161-175. (0,6 п.л.)
38. Балабанова, Е.С. Социально-экономическая зависимость в массовом сознании населения современной России / Е.С. Балабанова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». – Вып. 1(3) – 2004. – С. 93-102. (0,5 п.л.) ISSN 1811-5942
39. Балабанова, Е.С. Концентрация собственности в сельском хозяйстве – путь становления эффективного предприятия / А.О. Грудзинский, Е.С. Балабанова, А.Б. Бедный // Социологические исследования. – 2005. – № 4. – С. 69-78. (0,4/0,4/0,2 п.л.)
40. Балабанова, Е.С. Домашний труд как символ гендера и власти / Е.С. Балабанова // Социологические исследования. – 2005. – № 6. – С. 109-120. (1 п.л.)
41. Балабанова, Е.С. Отношения зависимости и партнерства в адаптационных стратегиях сельхозпредприятий / Е.С. Балабанова // Организация в фокусе социологических исследований : Материалы международной научно-практической конференции / Под общ. ред. З.Х. Саралиевой. – Т. 1. – Н. Новгород: Издательство НИСОЦ, 2005. – С. 84-88. (0,3 п.л.) ISBN 5-93116075-2
42. Балабанова, Е.С. Теории «зависимой личности»: возможности социологической интерпретации / Е.С. Балабанова // Личность. Культура. Общество. – 2005. – Т. 7. – Вып. 4 (28). – С. 94-103. (1 п.л.)
43. Балабанова, Е.С. Пути становления эффективных предприятий: анализ мнений руководителей / А.О. Грудзинский, Е.С. Балабанова, А.Б. Бедный // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Серия Мате-

матическое моделирование и оптимальное управление. – Вып. 2 (29) – 2005. – С. 67-74. (0,3/0,3/0,4 п.л.) ISSN 1811-5977

44. Балабанова, Е.С. Экономические основания социальной власти: теоретическая модель социально-экономической зависимости / Е.С. Балабанова // Социологические исследования. – 2006. – № 1. – С. 54-64. (1 п.л.)

45. Балабанова, Е.С. Экономическая зависимость женщин: сущность, причины и последствия / Е.С. Балабанова // Социологические исследования. – 2006. – № 4. – С. 47-57. (1 п.л.)